

ЭО, 2008 г., № 5

© Г. И. Исмаилов

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ ТАТУИРОВКИ В ДАГЕСТАНЕ

"Символы правят миром"
Конфуций (551–479 гг. до н.э.)

Богатая и самобытная материальная и духовная культура народов Дагестана всегда привлекала к себе внимание исследователей. Каждый из многочисленных этносов горного края веками создавал и совершенствовал самобытную культуру, имеющую наряду с общедагестанскими чертами свои специфические особенности, обусловленные национальным характером, средой обитания и сферой деятельности. Обратившись к этому наследию, мы часто сталкиваемся с фактами существования здесь оригинальных рудиментов духовной культуры. К счастью, до наших дней в дагестанской культурной среде сохранился очень древний культурный пласт со всеми разнообразными входящими в него явлениями духовной и материальной жизни: фольклором, обычаями, обрядами, приметами, суевериями и нормами поведения. В данной статье речь пойдет о татуировках женщин Дагестана.

Этот неизменный круг образов-татуировок, связанный с бытом, ритуальными культурами, языческими верованиями и мифологией, пронизывал всю жизнь горянок. Он отражался в фольклоре, обычаях, обрядах и в декоративно-прикладном искусстве. До сих пор, путешествуя по Дагестану, можно встретить женщин не только одетых в традиционную одежду и носящих украшения с древними орнаментами, но и имеющих на своем теле татуировки – не менее древние образы, сопровождающие горянок почти от молодых лет до последних дней их жизни. Даже не вникая в их внутренний смысл, в особую семантику данных образов, в их композиционный строй, наблюдатель понимает, какое большое значение для горянки имели татуировки. Мы считаем справедливыми слова П.Р. Гамзатовой о значении культуры горских народов: "Многие исследователи пишут о проблемах островной культуры, но трудно встретить работы, посвященные проблемам горной культуры. Между тем именно в горах мы встречаемся с островками древней тайны, с чем-то ни на что не похожим и в то же время чем-то всеобщим и глобальным. Особенности дагестанского искусства в значительной мере связаны с природными условиями, спецификой труда и быта горцев, историческими судьбами народностей, населяющих этот край" (Гамзатова 2001: 17, 21).

Татуировки горянок – рудименты дагестанского язычества – 16 лет были предметом нашего внимания, сбора и изучения. Будучи составной частью духовной культуры дагестанских народов, они представляют собой уникальный феномен. До сих пор их роль, исторические функции в системе традиционной культуры горцев еще не до конца поняты или не объяснены. Исследование татуировок в их многообразии дает нам возможность выявить их связь не только с доисламскими верованиями горянок, но и с другими сторонами их духовной жизни. Как нам кажется, будучи порождением языческих (и не только языческих) верований, татуировки накладывали эстетическую и

психологическую печать своеобразия на семейную и общественную жизнь горянки. Изучение татуировок даст нам возможность реконструировать мировоззрение горянок и его слагаемые в ходе исторического развития дагестанского общества, восстановить отдельные компоненты домонотеистических верований, поможет установить, к каким формам или элементам ранних верований они восходят. Татуировки и связанные с ними верования, обряды и обычаи позволяют знакомиться с историей народа, с древними формами мышления горянок, с архаическими представлениями о природе и мировоззрении народа в целом. Еще Чарльз Дарвин говорил, что ни один народ мира не прошел мимо культуры татуировки (Дарвин 1983: 347, 365). Зафиксированные нами этнографические факты свидетельствуют, что традиция татуировки не обошла стороной и народности Дагестана. Исследование данной проблемы представляет и важный научно-теоретический интерес, поскольку феномен татуировки играет значительную роль в определении общего уровня развития культурных традиций и быта дагестанцев, характера их этнической специфики. Ценную мысль в этой связи высказал В.А. Кузнецов: "Феноменальная устойчивость культов, обрядов, обычаев, очевидно, может быть характерной чертой этнопсихологии народов Кавказа" (Кузнецов 2004: 127).

Сохранив свое ритуально-магическое значение даже к концу XX в., дойдя до наших дней в трансформированном и стилизованном виде, татуировки не потеряли своей духовной ценности и значимости для некоторых слоев населения дагестанского сообщества. При отсутствии достоверных письменных источников или крайней их скудости татуировки порой могут рассказать исследователю многое об истории народа. Но, к сожалению, исследование этой интересной темы проводилось очень неравномерно для разных территорий нашей страны. Если тамги и другие знаки Северного Кавказа на разных предметах долгое время являлись предметом пристального внимания ученых, то татуировкам повезло меньше. Наше внимание в этом плане привлекают работы российских и советских ученых Н.Н. Миклухо-Маклая, Д.Н. Анучина, Б.Ф. Адлера, А.М. Дирра, И.С. Руденко, С.В. Иванова, Л.И. Лаврова, Н.Г. Волковой, Б.И. Вайнберга и Э.А. Новгородовой, М.В. Харитоновой и М.М. Самчук.

В материалах о тамгах и знаках по Северному Кавказу, представленных Л.И. Лавровым (1978: 109–121), в большинстве случаев мы находим полное или частичное графическое совпадение тамг и знаков Северного Кавказа с женскими татуировками из Дагестана. В своем исследовании "Этнография Кавказа" он отмечает наличие татуировок у народов Дагестана (Лавров 1982: 125). Интересные для нас сведения мы находим в фундаментальном труде С.В. Иванова, где он исследует эту (татуировки) и близкие к ней темы по истории материальной и духовной культуры народов Сибири (Иванов 1954).

Несомненный интерес с этнографической точки зрения представляет собой статья С.И. Руденко о "скифских" татуировках (1949: 133–143), в которой дан анализ татуировок "скифского" вождя, найденных в Горном Алтае в 1947–1948 гг. Это исследование существенно расширяет наши познания и представления о быте населения в те отдаленные времена, когда в степях Евразии процветала "скифская" культура.

На связь с татуировкой и стремлением человека украшать себя указывает Б.Ф. Адлер в своем этнографическом исследовании. Он приходит к выводу, что желание это вытекает из врожденного чувства и связано с эстетической потребностью человеческой души, с потребностью красоты даже у дикаря (Адлер 1923: 5–43).

Отправной точкой в изучении татуировок горских женщин, видимо, следует считать сообщение А.И. Дирра, который первым из российских ученых зафиксировал

этот феномен и ввел его в научный оборот в этнографии Дагестана. Побывав в Дагестане в 1904 г., он сообщает о татуировках горянок в селениях Ходжалмахи и Вихуль (Вихли), а также приводит сведения, полученные от информантов, о татуировках в сел. Цахур Самурского округа. Им же даны графические зарисовки нескольких татуировок (*Дирр* 1915: 23, 24). Сведения А.И. Дирра носят описательный характер, но их ценность в том, что они стали отправной точкой в изучении дагестанских татуировок.

О наличии татуировок у лачек говорит и Л.И. Лавров: "Встретил в Кули (Кулинский р-н. – *Г.И.*) на улице женщину с татуировкой на лбу. К сожалению, не смог рассмотреть характер нанесенного рисунка" (1982: 125). Татуировки горянок привлекали внимание и дагестанских ученых. Интересна в этом плане работа С.Ш. Гаджиевой. Она отмечает, что татуировки имели в повседневной жизни особое ритуально-магическое значение (*Гаджиева* 1985: 146–147).

Большую ценность представляет доклад А.Г. Булатовой о женских татуировках в Дагестане, сделанный ею на Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтениях в 1997 г. Она отмечает наличие татуировок у цахурок, рутулок, даргинок, лачек, предлагает свою классификацию и утверждает, что обычай татуировать части тела сохранялся в Дагестане до начала XX в. (*Булатова* 1998: 102–103). Вместе с тем наш полевой материал свидетельствует, что этот обычай бытовал до конца XX в.

Об обычае татуировки и раскраски тела на Кавказе сообщает Н.Г. Волкова. Говоря о собранном ею этнографическом материале на Кавказе (Азербайджан, Грузия, Армения), она упоминает о заметке А.И. Дирра о татуировках горянок в Дагестане, но никаких своих сведений не приводит (*Волкова* 1981: 113–116). Ю.Ю. Карпов, рассматривая украшения дагестанских женщин в качестве амулетов и оберегов и ссылаясь на статью А.Г. Булатовой, отмечает: "В этом же ряду, очевидно, располагается и женская татуировка. Известно, что данный обычай был распространен у ряда народов Дагестана: цахуров, рутульцев, лакцев и даргинцев. Мне в Южном Дагестане приходилось слышать о том, что татуировка является отличительным признаком женщин вольного поведения" (*Карпов* 2001: 15–16, 371). Следует сразу отметить: такие данные на самом деле не соответствуют реалиям. Наиболее ценные и точные сведения о значении татуировок нами были получены в дальних дагестанских аулах, где традиция татуировок еще сохранилась.

Общение татуированных женщин друг с другом, с нетатуированными односельчанками, а также с мужчинами требовало соблюдения ими традиционных норм горской культуры и норм этики. Дагестанский этнограф С.А. Лугуев пишет: "Культура поведения, этическое поведение у народов Дагестана самым тесным образом связано с традиционными нормами морали, исторически сложившихся в обществе. Комплекс норм морали, на которых основывались этикетные отношения, складывались и развивались в соответствии с особенностями социально-экономического развития общества, со специфическими условиями становления и развития дагестанского джамаата" (*Лугуев* 2001: 18). Традиция воспитания горянок не навязывалась сверху вниз или извне. Она вырастала снизу вверх, как обычно растет все живое. В каждом дагестанском обществе существовала масса отшлифованных веками правил, каким образом и как должна была вести себя женщина в быту, в обществе, что уместно, а что – нет. Каждая горянка имела четкие представления о том, что осуждается в ее среде. При этом в каждом дагестанском ауле имелись свои нормы морали, поведения.

Может возникнуть вопрос, почему мы акцентируем внимание на аспекте поведения и этики татуированных женщин. На наш взгляд, ответ кроется в тех ощущениях, которые испытывают такие женщины в повседневном быту. По словам носительниц тату-

ировок, им постоянно приходится ощущать на себе и любопытные, и удивленные, и вопросительные, а иной раз и осуждающие взгляды. Все это держит носителей татуировок в относительном напряжении. Нами зафиксирован случай, когда 25-летняя девушка (из с. Гулатты Дахадаевского р-на) пыталась кислотой вытравить татуировки с предплечья, чтобы избежать недовольства родственников жениха и "успешно" выйти замуж. В таких условиях им крайне сложно строго соблюдать горский этикет в общении с людьми, как они выражаются, "с непосвященными", т.е. не из их круга. В добавление к этому скажем, что в последние годы идеология ислама все больше и больше старается вернуть свои позиции (утраченные в годы Советской власти) по влиянию на нормы культуры, этики и поведения не только по отношению к женщинам, но и к мужчинам. Как говорит С.А. Лугуев, "любое деяние, поступок, традиция, обычай рассматривались с точки зрения положений ислама, шариата, их угодности или неугодности Богу" (Лугуев 2001: 18).

Известно, что в исламе существует запрещение на нанесение любых изображений на тело. Приходится констатировать, что в дагестанском обществе в последние годы благодаря новой исламской волне все больше усиливаются тенденции враждебного отношения к женским татуировкам даже в самой женской среде. Мы располагаем достоверной информацией о том, что у умерших горянок во время обмывания с тел варварским образом ножом вырезаются татуировки. Но при этом никто не берет во внимание целую энциклопедию мужских татуировок армейского характера или из мест заключения. Мир женщин всегда был отделен от мира мужчин по многим составляющим, а вышеназванные явления в нашей жизни отдают друг от друга несравненно дальше. Для нас ясно одно – татуировки первоначально все же не являются порождением мировых классических религий, а имеют более глубокие корни, уходящие в языческие времена. Это более долгая и интересная история.

Многое еще остается неясным и прежде всего – социальное значение татуировки. Объясняется это тем, что татуировки в Дагестане, видимо, были в большей степени прерогативой женского общества. И все, что связано с ними, считалось делом, в которое не должны были посвящаться посторонние. Они составляли тайну женщин. По нашим полевым сведениям, женщины иногда скрывали значение татуировки даже от своих родственников-мужчин (если татуировка не являлась результатом их желания или требования, что бывало нередко). Им не объяснялось, например, с какой целью они татуируют на теле образ парящей птицы или чьи-то инициалы (из букв кириллицы, латиницы или арабского алфавита). При таких обстоятельствах раскрыть семантику тех или иных знаков-символов и образов всегда является делом трудным. Сведения о времени нанесения татуировок тоже противоречивы. По одним нашим данным, лиц женского пола татуировали в детстве (с. Верхний Катрух Рутульского р-на, информант – Керимова Муслимат – 64 года), по другим – с наступлением зрелости, по третьим – только с наступлением весны (в день весеннего солнцестояния).

Есть и другие очень интересные факты. В с. Гапшима Акушинского р-на еще в 30–40 годы XX в. бытовал праздник "Шин даркьес" – буквально "Делать воду". Сельчане приводили в порядок водоемы и родники в горах перед выпасом общественного скота. После трудового дня начиналось всеобщее веселье, сопровождаемое стрельбой и джигитовкой. Праздник не обходился без вездесущих свах. На одном из них была помолвлена и мать автора этих строк – Алиева Аминат. По возвращении с праздника на предплечье матери была наколото известной сельской свахой Абчи Май (что приходилось ей делать многократно) татуировка, сообщающая о ее помолвке. Таким был для моей матери обряд посвящения в невесты. Как мы видим, причины татуирования

горянок были разные. Сюжеты рисунков имели особое значение для их носительниц, так как они отражали миропонимание и даже события из жизни. Татуировки горянок становились мыслями, получившими графическое оформление. Самым важным мотивом нанесения татуировок были, как показывает наш полевой материал, необходимость и желание горянок выделить себя из коллектива или заявить о себе по определенным причинам. Слова старейшей ковровщицы Рамазановой Перизат (1916 г.р., сел. Зрых Ахтынского р-на) красноречиво свидетельствуют об этом: "Важно, что изображено, но не менее важно и то, что это останется со мной навсегда".

Любой знак-символ на одежде или теле определенным образом воздействует на психологическое состояние человека. Каждый человек должен преодолеть психологический барьер, прежде чем решиться татуировать свое тело. Мотивация такого шага для каждого своя, но она есть, и каждый должен осознать для себя действительную причину, побудившую нанести рисунок на свое тело. Человек – существо общественное, и при этом каждый своим внешним видом (знаками-символами на теле) оказывает воздействие на окружающих. Это еще одна сторона психологического аспекта татуировки. Татуировка становится визитной карточкой, так или иначе закрепляя за человеком определенный образ. И этот образ не позволяет отказаться от него при любых обстоятельствах. Татуировка постоянно напоминает хозяину о себе и о своей функции. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что татуировка не пассивное изображение, а активный символ, действующий в дальнейшем не по воле носителя, а самостоятельно.

В ходе полевых поисков (с 1991 по 2007 г.) нами обследовано и опрошено более 500 женщин в 140 селах 35 районов Дагестана. Собрано и графически зафиксировано 1545 татуировок разного характера. Они подтверждаются более чем 200 фотографиями. Возраст татуированных женщин колеблется от 2 до 113 лет. Так нам удалось выявить последовательную схему распространения татуировок. Согласно этой схеме, все татуировки можно разделить на три группы: а) автотатуировки, т. е. татуировки, нанесенные на части тела самой женщиной и имеющие в своей основе семейные традиции; б) татуировки, нанесенные другим автором по просьбе носителя, т.е. добровольные; в) насильственные татуировки, т.е. нанесенные с целью подчинения носителя чужой воле.

Во многих случаях автор рисунка, наносящий изображение на чужое тело, проецирует на носителя свое видение окружающей действительности или особенность своего внутреннего мира. В этой связи можно сказать, что субъект, выбирающий для другого то или иное изображение, неосознанно предлагает тот вариант, который свидетельствует об особенностях его мышления и восприятия мира. Таким образом, татуировка – это индикатор характера человека, если только его не принуждают насильственно или не наносят татуировку обманным путем.

Суммируя данные, которые нам удалось собрать, мы приходим к следующему выводу: в районах Дагестана отношение к татуировкам было разным. Эта проблема, видимо, имеет свое обоснование и требует дальнейшего изучения.

Как сообщает Д.Н. Анучин, последний обычай существовал недавно даже у цивилизованных народов, как, например, у англичан и французов (Анучин 1876: 82). Тот же Д.Н. Анучин в своем другом сочинении ни словом не обмолвился о татуировках горских женщин Дагестана, хотя татуировки никак невозможно скрыть от любопытных глаз опытного этнографа. Надо полагать, что именно в годы пребывания ученого в Дагестане даже в родном селе автора – с. Гапшима Акушинского р-на летом 1882 г. – татуировок здесь было еще довольно много (Анучин 1884: 397).

Татуировки на разных частях тела чаще всего изображены условно-схематично. Несмотря на кажущийся реализм в их образах, расшифровка таких знаков требует от исследователя немалых усилий. Это затруднительно еще и потому, что многие татуировки предстают перед нами без "контекста". Но уже сейчас можно предполагать, что круги, точки, кресты, свастики и другие замысловатые знаки, наколотые на части тела, были вовсе не простыми изображениями, нанесенными ради забавы, а несли в себе определенную семантическую нагрузку. Они служили символическим выражением идеологических представлений индивида или целого сообщества.

Замечательный ученый-этнограф А.И. Дирр не оставил сведений о бытовании традиции татуировок среди лезгинок. Имеющийся у нас полевой материал о лезгинах, подтверждаемый фотографиями их носителей, свидетельствует, что такая традиция у лезгинок имела место. Иначе обстоит дело с фиксацией такого обычая у кумычек. В исследовании о семейно-брачных отношениях народов Дагестана С.Ш. Гаджиева сообщает, что "в некоторых кумыкских обществах была распространена татуировка. Еще в конце XIX в. в селах Каякент и Усимикент Каякентского р-на нередко можно было видеть девушек и замужних женщин, наносивших татуировку на лицо, грудь и ноги. Это достигалось двумя способами: прижиганием и иглоукальванием" (*Гаджиева* 1985: 146–147). Сообщение С.Ш. Гаджиевой нашло подтверждение и в ходе наших полевых поисков: в с. Каякент Каякентского р-на в наши дни мы зафиксировали большое количество татуированных женщин.

Формы традиционных горских татуировок, являясь отражением многих религий и религиозных верований, отличаются исключительным многообразием графических вариантов. При этом татуировки часто представлены в виде элементарных графических схем. При изучении и анализе татуировок мы иногда пользуемся термином "неузорная татуировка". Российские ученые М.В. Харитонов и М.М. Самчук используют этот термин в своей работе и говорят, что такая татуировка отличается своей простой схематичности. У эскимосов она наносилась простыми линиями на заболевшие части тела с медицинской целью, как женщинами, так и мужчинами (*Харитонов, Самчук* 1999: 33–40).

Татуировки ведут нас к истокам реалистического искусства, показывают, когда и при каких условиях они зарождались и развивались. Они позволяют также понять и оценить заключенные в них познавательные и эстетические ценности, осветить на конкретных примерах социальную или духовную роль того или иного изображения. Плоскостные изображения издревле были известны почти всем народам Дагестана. Это настенные рисунки в аварских, даргинских, лезгинских и лакских домах, пещерные писаницы. Плоскостные изображения известны и другим народам Дагестана, но уже в других вариантах. Так, например, рисунки, исполненные шелковыми, хлопчатобумажными, золотыми и серебряными нитками по материи в большом количестве встречались у даргинцев, лакцев и аварцев, но почти не были известны лезгинам, табасаранцам, агулам, рутульцам и цахурцам (*Исмаилов* 2002).

Иногда бывает наоборот: у даргинцев и лакцев крайне слабо или почти не представлены ковры и ковровые изделия со сложным орнаментом, чего уже не скажешь о народностях лезгинской группы. Такая же картина повторяется при освещении проблемы неравномерного распространения татуировок в Дагестане. Если основную массу татуировок, собранных нами, мы локализуем в районах проживания даргинцев, лакцев, лезгин, табасаранцев, агулов, рутулов и цахурцев и даже кумыков, в аварских районах найти татуировки удавалось с большим трудом.

Татуировки даргинок (Акушинский, Дахадаевский, Кайтагский, частично Сергокалинский районы), лачек (Кулинский и Лакский районы), лезгинок (Ахтынский, Докузпаринский районы), рутулок и цахурок (Рутульский р-н), агулок (Агульский р-н) обнаруживают много общего в образах и их графическом исполнении. Имеющиеся различия в татуировках в перечисленных регионах заключаются лишь в наличии или отсутствии некоторых деталей в рисунках или в степени распространения тех или иных образов.

Советский исследователь Сибири и Дальнего Востока С.В. Иванов в монографии по изобразительному искусству народов Сибири сообщает, что татуировки народностей ханты и манси в зависимости от того, приобретали ли их узоры характер орнамента или сводились к отдельным изображениям, разделялись на две группы. Узоры первой группы повторяли распространенные орнаментальные мотивы, вторая группа – это одиночные сюжетные рисунки. Однако среди опубликованных им рисунков хантыйской и мансийской татуировки фигуры животных им не обнаружены (Иванов 1954: 45–46). Иную картину в классификации горских татуировок предлагает дагестанский ученый-этнограф А.Г. Булатова в своем докладе на Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтениях 1996–1997 г. В кратком докладе она объединяет зафиксированные татуировки в три группы: 1) астральные и солярные знаки; 2) натуралистические или схематические изображения птиц, отдельных элементов животных и растений; 3) знаки, не подлежащие классификации, т.е. идентичные буквам албанского алфавита и имеющие сходство с тамгами кавказских и тюркских народов (Булатова 1998: 102–103). К сожалению, данная тема не получила дальнейшего развития у А.Г. Булатовой в связи с ее преждевременной смертью.

Предлагаемая нами классификация отличается, как нам кажется, большей полнотой и количеством представленных образов. Графические изображения образов-татуировок и степень их близости к оригиналу не всегда одинаковы. В одних случаях рисунок носит наивно реалистический характер, позволяющий узнать изображенное животное; в других – значительно удаляется от оригинала, упрощается, теряет отличительные черты или превращается в схему. Определению рисунков той или иной категории нам помогли указания самих татуированных женщин, которые распознавали изображенное в татуировке животное или иной образ.

Татуировки в свете их семантики мы выделяем в следующие группы:

1. Зооморфные образы, в которых, возможно, отражены верования, связанные с отголосками древнейших тотемистических представлений: а) образы диких животных, зверей, птиц, змей, лягушек; б) изображения одомашненных и диких животных и птиц.
2. Фитоморфные образы в татуировках.
3. Антропоморфные образы.
4. Татуировки, отражающие культ земледелия и плодородия.
5. Татуировки фаллического характера.
6. Солярные и астральные мотивы.
7. Татуировки, отражающие христианские и зороастрийские верования.
8. Татуировки, отразившие исламскую идеологию.
9. Татуировки, отражающие следы древних алфавитов.
10. Татуировки, выражающие числовые значения.
11. Татуировки, повторяющие родовые знаки и тамги.
12. Татуировки, показывающие возраст носительницы.
13. Татуировки, отразившие символику советской эпохи.
14. Татуировки с опознавательной семантикой.
15. Татуировки с социальной функцией (имущественное положение).
16. Татуировки неопределенного статуса (не поддающиеся толкованию).

Нанеся на часть своего тела определенную татуировку, горянка в архаической системе своих представлений, доставшихся в наследство от старшего поколения, а также в повседневной жизни традиционного общества старалась проявить свою духовную и

физическую сущность. Как показали наши поиски, тем самым татуированная горянка выделяла и обозначала свое "особое" духовное и нравственное положение в довольно замкнутой женской среде. Следует сразу оговориться, что меньше всего татуировок зафиксировано нами в районах, заселенных аварцами, и больше – в районах, где компактно проживают даргинцы, лакцы, рутульцы, цахуры и агульцы. Можно выдвигать разные версии по поводу такого положения. Однако мы не сомневаемся, что татуировок у аварок было в отдаленном прошлом ничуть не меньше, чем у других женщин-дагестанок. На наш взгляд, причина заключается в сильных позициях ислама в аварских районах и запретах на нанесение на тело любых изображений.

В ходе полевых поисков нами замечено: аварки о татуировках говорят как о чрезвычайно грешном и непристойном деле. Их страшит сама мысль, что после смерти татуировки вырезаются с тела вместе с кожей. С большим недоверием они относятся к словам, что в Коране ничего не сказано о таких запретах и что такие запреты были озвучены богословами гораздо позже. Более интересными на этом фоне выглядят слова даргинок или лачек о том, что татуировки украшают носительниц и придают им особый шарм.

Мотивы, которыми руководствовались горянки, нанося на свое тело татуировки, были самыми разнообразными. Одним из таких мотивов, считают исследователи, являлся "инстинкт украшения тела". Способность человека украшать себя, исходя из своего творческого воображения, позволила человеку перейти из мира природы в мир культуры. С течением времени менялось внутреннее содержание разных изображений и площадь покрываемого "узором" тела. Профессор Б.Ф. Адлер высказывает мнение, что одежда образовалась из стремления человека украшать себя. "Желание украшать себя вытекает из врожденного чувства и связано с эстетической потребностью человеческой души – с потребностью красоты... Самой оригинальной и крайне интересной формой украшения является, несомненно, татуировка" (Адлер 1923: 6, 13). В свете вышесказанного отметим, что чувство красоты не было чуждо и дагестанским женщинам. Наш полевой материал свидетельствует о том, что горянки придавали татуировкам немаловажное значение как средству украшения. В отдельных случаях татуировки играли во взаимоотношениях полов особую роль. Выявлено, что само графическое изображение татуировки в конкретном случае не имело особого значения. Главное заключалось в умысле, с которым делалась конкретная татуировка. По словам Гаджиевой Фати (72 г., с. Цахур Рутульского р-на), изображение одной точки означало "Я", двух точек – "Я и ты", трех – "Я тебя люблю", или "Ты мне нравишься". Такую же любовную семантику имели татуировки в виде цветков из точек (с. Зрых Ахтынского р-на. Информант – Новрузова Хандза 1932 г.р.).

Татуировка "две точки, соединенные кругом", отражает важное событие в жизни Османовой Зазай (81 г., с. Гапшима Акушинского р-на). На сельском празднике "Шин даркьес" – букв. "Делать воду" – она была приглашена на танец парнем, который впоследствии стал ее мужем. Две точки означают пару танцующих. Такую же историю имеет татуировка матери автора этих строк Алиевой Аминат. На том же празднике и она была наречена в невесты. Как сказала мать, татуировка расшифровывается так: "Я – в начале длинного пути". По словам наших информантов, татуировки-инициалы выполняли такую же роль во взаимоотношениях полов. По словам Алиевой Ажи (84 г., с. Гапшима Акушинского р-на), в старину молодые девушки делали себе сакральные наколки на левой стороне груди, магия которых должна была им способствовать найти достойного жениха.

Существовали татуировки "к богатству", "к удаче", "к прибытку", но их графические образы давно забыты. Идентичная традиция бытовала в с. Цахур Рутульского р-на. По словам Гаджиевой Фати, в период полового созревания девочки собирались в группу и кололи татуировки "Клуда" (местное название татуировки) на кисти или запястья, чтобы женихи обратили на них внимание. Об этом же говорит и Алиева Рисалат, аварка (61 г., с. Кутиша Левашинского р-на): "Когда меня засватали, бабушка по старинному обычаю наколола мне татуировку, повторяющая ее татуировку". Как нам кажется, перед нами пример половозрастной инициации девушек-горянок. Следует отметить, что для данной группы татуировок присуща одна особенность: все они, имея любовную семантику, графически совершенно не совпадают.

Охранная функция татуировок (полевой материал). Жизнь горской женщины была тяжелой. Все работы в доме производились (молодыми женщинами) под строгим контролем и наблюдением старшей женщины – "абай", "халанеш", "кЮдия эбель", жены главы семьи. Ей подчинялась вся женская половина семейной общины, и она являлась руководительницей женских забот. Глава женской половины поручала молодым непосильную работу. В силу разных причин в любое время суток им приходилось бывать вне дома, где они были в относительной безопасности. По народным поверьям, за стенами дома их могли подстергать опасные ситуации, связанные с кознями злых сил, в частности – джиннов, вечных антагонистов человека. Вполне объяснимо, что в такой обстановке горская женщина должна была искать пути и способы защиты от всевозможных враждебных сил.

В религиозной практике горских женщин значительную роль играли амулеты, талисманы, обереги, призванные оградить человека от любых несчастий, в том числе – от вредоносной магии или от козней злых духов. В народной фантазии во главе злых сил стояли джинны, главной целью которых было нанести человеку вред. Как сообщают информанты, они обладали способностью воплощаться в образы родственников, близких или знакомых, животных (особенно домашних), стать невидимыми. Народные поверья локализуют места их обитания или возможных встреч с ними: это темные улочки аулов, заброшенные дома, чаще всего – мельницы. По словам гапшиминок (Акушинский р-н), джинны появляются на мельнице после полуночи с монотонным напевом – "гъиллив-гъиллив-гъиллив" (не переводится). Горе тому, кто будет повторять этот напев – он окажется в их власти. Но джинны бессильны, если человек имеет с собой кинжал, нож, амулет с "обрезанной крайней плотью малыша" или любую татуировку на своем теле. Джинны могут окликнуть человека и по имени. Не поддаваясь искушению и не оборачиваясь, человек должен ответить: «Сухую метлу вам в "то самое место"».

Причина страха перед джиннами – боязнь их могущества. "Джинны не могли навредить татуированным женщинам" (информант Узай Айшат, 113 лет, с. Гапшима Акушинского р-на). В ходе полевых поисков нами достоверно установлено, что горские женщины для защиты от джиннов часто использовали татуировки. По совету старых женщин, в ночные рейды (за село) посылали только татуированных женщин. Якобы им джинны не могли причинить вреда. Было единственное требование – татуировки должны быть на кистях или запястьях, иногда и на затылке, т.е. на оголенных частях тела. Представляется интересной информация из с. Чираг Агульского р-на: "Татуировка на моем лице (уголок рта) защищает мой внутренний дух. Когда я зеваю, злой дух не может проникнуть внутрь меня" (информант Муртазалиева Патимат, 1936 г.р.).

Гапшиминки (Акушинский р-н) абсолютно уверены, что татуировки на грудях защищают мать и дитя во время кормления его грудью. Не имеющие татуировок долж-

ны были скрывать груди и ребенка частью "Чабы" – (платок-покрывало). В противном случае невидимый злой дух мог пить молоко вместе с ребенком, что вело к высыханию груди или болезни. В горской среде бытует мнение, что есть категория людей, обладающих способностью сглазить. Их боятся и стараются избегать. Сглаз, по поверью, бывает намеренный и непреднамеренный. Второй случай особый – он может произойти без желания нанести вред другому человеку непроизвольно: простым восхвалением или словесным одобрением. Достаточно похвалить человека, отличившегося чем-либо, или взять в руки понравившегося ребенка – тут же может произойти сглаз.

Для дагестанцев важно было не только рождение здорового ребенка, но и обеспечение его магическими приемами в дальнейшей жизни. Считается также (в с. Гапшима Акушинского р-на), что джинны боятся чесночной воды. Поэтому в данном селе новорожденным белой глиной, замешанной на чесночной воде, на лбу рисуют изображение креста. Мы считаем, что факт использования в наши дни креста в целях защиты ребенка от злых духов – явление крайне интересное.

Вызывает интерес и случай, имевший место в с. Верхний Катрух Рутульского р-на, связанный с судьбой 4-летней девочки. Мать девочки, боясь козней джинов (по настоянию сельской муллы), обратилась к своей подруге Керимовой Муслимат (65 лет), чтобы та наколола татуировку на переносице дочери во избежание неприятностей со стороны джинов. Керимова Муслимат (она же и информант), не выдержав плача девочки, не довела дела до конца. Впоследствии по воле случая девочка упала со ступенек и умерла. По мнению матери умершей, причиной смерти девочки явилось отсутствие у нее соответствующей татуировки-оберега. За случившийся инцидент мать погибшей девочки объявила М. Керимову врагом. Как мы видим, в горской среде татуировки-обереги считались совершенно необходимым фактором и оказывали сильное психологическое воздействие на горянок. Вера в татуировку-оберег, якобы обладающую охранной силой, через века дошла до наших дней и продолжает оказывать на сознание горянок сильное воздействие.

В подтверждение вышесказанного мы приведем исключительный пример, зафиксированный нами у уроженки сел. Геба Акушинского р-на. На внутренней стороне бедра Магомедовой Сайгибат (93 года) неординарная татуировка – фаллос в сопровождении его постоянных "спутников". Наличие такого необычного изображения Сайгибат объясняет так: данный "образ" будет защищать ее кости в могиле от джинов. Джинны не смогут вытащить их из могилы, принять ее образ и ходить по миру. Кроме того, нам удалось узнать, что когда-то существовали татуировки-обереги, спасающие от родительского гнева, их недоброго слова или сглаза с их стороны. Такие татуировки назывались "наследственными". Заслуживает внимания информация, представленная жительницей селения Гулатты Дахадаевского р-на (по ее личной просьбе мы не даем данных о ней). Будучи на сельской свадьбе, она была приглашена на танец родственником. Мать, боясь сглаза дочери, была против привлечения к ней внимания с чьей-либо стороны. В числе *наблюдателей* был синеглазый разведенный мужчина, сглаза которого боялись все. Она там же, на свадьбе, почувствовала себя плохо. Впоследствии болела долго и тяжело. "Диагноз" был вполне ожидаемый – сглаз синеглазого. После выздоровления (в целях защиты) по совету знающих женщин она наколола себе охранную татуировку. Но ревнителю ислама в селе, узнав обо всем, высказали ей свое неодобрение. Была предпринята попытка удаления татуировки кислотой. Результат печальный – на предплечье остались неприятные рубцы.

Нами зафиксирована информация, свидетельствующая о бытовании когда-то в горской среде обряда, очень близкого к обряду "посестримства". По словам нашего самого ценного информанта – Узай Айшат, гапшминские девушки прикладывали свои кровоточащие ранки наколок друг к другу и приговаривали: "Теперь мы сестры по крови". Считать ли это простым баловством подростков, или мы наблюдаем в этом "ритуале" остаточные явления какого-то особого древнего обряда – переход девушек во взрослую жизнь или что-нибудь еще, трудно сказать, так как сама информант больше ничего не помнит. По словам другого информанта – Абасовой Габигат (1937 г.р., с. Гапшима Акушинского р-на), как говорила ее мать, татуировки в данном селе делали по "наслу", т.е. по роду. В доказательство ее слов мы смогли зафиксировать только одну родовую татуировку у старейшей представительницы рода Анша Бата (85 лет) на правой кисти. Этот же знак изображен и на хранящемся в доме небольшом войлоке-молитвеннике. Мы допускаем, что такие "свои" знаки здесь могли быть и у других переселившихся родов.

В сел. Кунки Дахадаевского р-на нами добыта информация, подтверждающая наши догадки. Татуировка Рабазановой Дирван (72 года) наколота, по ее словам, по совету отца. Такой же знак имелся на опорном столбе дедовского дома. По сведениям, полученным от кункинцев, в селе проживают представители разных национальностей, переселившиеся из разных районов Дагестана. Другой вариант татуировки родового охранного знака зафиксирован нами в с. Сухиях Кулинского р-на (см. Табл. п. 24 – лев. кисть, Абдулгамидова Сакинат Исаевна, 1939 г.р.). По ее словам, данный знак является родовым.

Интересующие нас в настоящем исследовании вопросы очень часто находят отражение в семье – ячейке горского общества. В сел. Гулатты Дахадаевского р-на обнаружена татуировка чисто семейного значения. У Ибрагимовой Патмы (72 лет) на правом предплечье наколота буква "П", окруженная точками, равными количеству ее детей, т.е. 12 чел. Патма говорит, что ее дети всегда с ней. Установлено, что кроме перечисленных выше многочисленных функций, некоторые татуировки отражали имущественное положение горцев, т.е. социальный статус личности. Учитель Гулаттынской средней школы Дахадаевского р-на Гусаев Рабадан (1941 г.р.) сообщает, что в старину в селе бытовал обычай: дочери сельских богачей имели на фалангах пальцев татуировки в виде точек, обозначающие, что свататься к ним могут только богатые женихи (фото прилагается).

В материалах из разных районов Дагестана обнаружены татуировки, отражающие профессиональный род занятий. К ним можно отнести татуировки в виде сабель и щита из хут. Хиях (отселок с. Цахур) Рутульского р-на.

По словам Шевкетовой Пери, когда-то часть цахурцев была выселена из села. Чтобы искупить свою вину, они изготавливали для цахурцев оружие. Традиционно женщины хутора делали себе татуировки, отражающие род занятий мужчин. Информант из с. Микик Рутульского р-на, Рамазанов Нариман Максимович (1946 г.р.) – правнук переводчика русского ученого-этнографа А.И. Дирра – муллы Али Рамазан-оглы¹ – предоставил нам аналогичную информацию об оружейниках хут. Хиях.

Домусульманские верования дагестанцев отражали их воззрения на мир, восприятие ими окружающей действительности и его обожествление. Это подтверждают слова Марипат (36 лет) из с. Цища Кайтагского р-на по поводу точкообразной татуировки на переносице, в которой отражаются древние космогонические мотивы, дошедшие до наших дней. На наш вопрос о цели нанесения точки-татуировки на переносицу, мы получили неожиданный ответ: "Татуировку сделала старая цищинка (с. Цища

Дахадаевского р-на). Она сказала, что через точку на переносице я буду получать телесную силу из природы. Кое-кто советовал мне вытравить татуировку. Этого делать я не буду, ибо вся полученная энергия выйдет из меня, и я могу умереть раньше времени". Эти слова сказаны в наши дни! Суммируя все приведенные данные, мы можем сказать, что женские татуировки в Дагестане представляли собой довольно сложное общественное и социальное явление.

В материалах о Северо-Кавказских тамгах, представленных известным этнографом Л. Лавровым, дан подробный анализ их семантики и функций (1982: 197). Л.И. Лавров в начале октября 1972 г. побывал в с. Гапшима Акушинского р-на – родное село автора, где мы зафиксировали большой материал (Исмаилов 2002). Но, к сожалению, в его путевых заметках мы не встречаем слов о тамгах данного села. Анализ дагестанских тамг не входит в нашу задачу, и мы лишь еще раз скажем, что большая часть "Лавровских" тамг и женских татуировок обнаруживают удивительное сходство. Формальное сходство ряда кавказских тамг и женских татуировок из Дагестана не должно вызывать у нас иллюзий, хотя они имеют близкую семантику и сходные графические изображения.

Способы нанесения татуировок в Дагестане были щадящие, хотя и тут не обходилось без экстремальных случаев, т.е. заражения крови с печальными последствиями. Во всех регионах республики при нанесении татуировок пользовались известным способом. Инструмент татуировщиц – несколько обычных швейных иголок (обычно три), обвитых простой ниткой, или острая твердая колючка. По словам информантов, в старину использовали трехгранную иглу "Хіябмуръан буреба" для шитья мешков, хурджинов. Особенность трехгранной иглы – уколы под кожу проникают не очень глубоко. По словам Рамазановой Ашуры (62 года, с. Къунки Дахадаевского р-на), такой иглой обычно татуировали ноги и груди – самые чувствительные части тела. Сначала острым предметом (той же иглой) многократно проводили по коже, создавая контур будущего рисунка. Поверхность покрасневшего контура обильно смазывали густым слоем жирного нагара, взятого с внешней стороны котла. Наличие жира в нагаре впоследствии обеспечивало устойчивый цвет татуировки.

Многократными точными ударами масса нагара вгонялась под кожу. Иногда на выступившую из ранок кровь сыпали древесную золу. Второй слой золы обеспечивал "закрепление" рисунка. Для исключения заражения, что случалось часто, рану обильно поливали человеческой мочой, т. е. дезинфицировали. На заживление раны уходило не меньше двух недель. После снятия омертвевшей корки воспаленный участок вновь обрабатывали той же мочой.

В с. Гапшима Акушинского р-на бытовал и другой способ нанесения татуировок. Древесную золу разводили мочой и готовили густую массу. Обвитую с тупого конца ниткой иглу периодически острым концом обмакивали в массу золы и резкими ударами вводили красящий пигмент под кожу. Для подстраховки красящего пигмента на поверхность татуировки еще раз сыпали сухую золу и затем прижимали ее рукой или тряпкой к ранке. В случае отсутствия иголки (с. Гапшима Акушинского р-на) использовали острые шипы терновника. По словам информантов, ранки от таких шипов долго не заживали, и для заживления ран применяли лечебную траву "Арц – къар" ("Серебряную траву") с добавлением в нее масла. В лакских селах Цуликана и Балхар (Акушинский р-н) в качестве красящего пигмента для татуировок использовали сок растения "Туккул накI" ("Ослиное молоко"). По словам Мамаевой Зулейхи (45 лет, с. Цуликана), при нанесении ей татуировки был использован именно такой сок. Кстати, использование этого "сока"-пигмента в тех же целях нам удалось зафиксировать и в

с. Ругуджа Гунибского р-на. Заживление проходило довольно долго, наблюдалось повышение температуры и даже галлюцинации. После заживления ранки оставалась точка сине-голубого цвета. Большинство татуировок в вышеперечисленных селах наносилось таким соком, хотя здесь использовали и обычную древесную золу. Дезинфекция ран и в лакских селах проводилась с помощью человеческой мочи – самым доступным средством.

В слившихся даргинских селах Мегва и Гапшима в качестве красящего пигмента использовали и другие травы и ягоды. По словам Узай Айшат (113 лет – умерла в 2002 г., с. Гапшима Акушинского р-на), в старину пользовались соком "Ккатала хъярбе" ("Кошачьи груши") или "Къянала цулах" ("Вороний хлеб"). Сок ягод "Кошачьи груши" давал татуировке очень стойкий сине-голубой цвет, который не обесцвечивался на коже носительницы до самой смерти. Почти такими же свойствами обладает сок растения "Вороний хлеб". Сок внешне похож на обычное молоко, но после внедрения под кожу меняет свой цвет на сине-голубой. Такая татуировка долго не заживала, имели место случаи потери сознания женщинами. Но обычай был так силен, что на такие "мелочи" не обращали внимания. По нашим наблюдениям, татуировки, выполненные с использованием обычной древесной золы, в старческом возрасте почти исчезали. Такая примета считалась недоброй, и иногда некоторые женщины шли на "операцию" вторично.

Подытоживая данные о технике татуировок и красящих пигментах, мы должны сказать, что способов нанесения рисунка было не особо много. Что же касается инструментов, то они тоже были одни и те же (колючка или шип терновника – исключение). Треугольная игла использовалась в горных селах почти повсеместно, а появление обычной швейной (заводской) иглы как продукта высоких технологий, видимо, надо отнести к более поздним временам. Следует также помнить, что весь "технологический" процесс нанесения татуировок на различные части тела был прерогативой только "знающих" свое дело женщин. Да и сама "операция" подразумевала определенную ответственность за последствия всей процедуры (от качества татуировки до здоровья испытуемой).

Локализация татуировок на частях тела. Готовясь к длительному жизненному путешествию, женщина окружала себя избранной группой знаков – образов, освобождающих ее от второстепенных обязанностей и выполняющих, как она думала, охранную и оберегающую функции. По нашим наблюдениям, татуировки располагаются на следующих частях тела: а) на лицевой части – лоб, переносица, щеки, подбородок, угол губ; б) за мочками ушей, на шее – у основания черепа; в) на фалангах пальцев обеих рук; г) на кистях, на запястьях, на внешних и внутренних предплечьях обеих рук; д) на плечах; е) на ногах – икры и бедра; е) на грудях и между грудями; ж) в интимных местах.

Без наличия на теле "важнейших" помощников, горянка (по ее мнению) становилась уязвимой, слабой, подверженной постоянной опасности со стороны злых духов, населяющих параллельный мир. Татуировки-спутницы служили для них духовным антисептиком. Как показали наши опросы, этим духовным антисептиком они стремились обладать с раннего возраста. Горянки предполагали, что татуировки должны предохранять их от всех негативных случайностей. Татуировки в данном случае выступают отголоском вечного конфликта человека со злыми силами природы.

Факты локализации татуировок горянок в интимных местах (по районам Дагестана). 1. Татуировка фаллического характера с сопутствующими "элементами" на бедре

(Магомедова Сайгибат, 93 года, с. Геба Акушинского р-на). 2. Антропоморфное изображение с фаллосом на бедре (Патима – 1923 г.р., с. Цийша Кулинского р-на). 3. Изображения луны в ущербе на груди (Ибрагимов Халимат, 71 год и Алибаева Издек, 75 лет, с. Каякент Каякентского р-на). 4. Изображения крестов на груди (Захарьяева Инара, 1927 г.р., с. Кули Кулинского р-на). 5. Изображения треугольников на груди (Пасан Анца, 90 лет, с. Гапшима Акушинского р-на). 6. Антропоморфное изображение с поднятыми вверх руками на груди (Бахабай Марьян, 83 года, Алила Хадижат, 85 лет, Лайса Патимат, 86 лет, с. Гапшима Акушинского р-на). Всего мы зафиксировали более 20 случаев нанесения татуировок на груди.

При фиксации татуировок мы заметили одно очень интересное обстоятельство – это полное отсутствие симметрии при нанесении татуировок на части тела. Точки татуировки, видимо, своей асимметрией демонстрируют определенное отношение носительницы к окружающему миру. По словам жительницы с. Цахур Рутульского р-на Гаджиевой Фати (72 года): "У *порядочных* женщин татуировки на лице должны располагаться на левой стороне лица". К сожалению, такое странное заявление она никак не смогла прокомментировать. Ее ответ был прост: "Так говорила моя бабушка". Мы знаем, что единственными симметричными украшениями у женщин являются ушные или височные серьги. Почти во всех остальных случаях женские украшения не имеют симметрии (браслет, пояс, кольца). Если даже они имеют своих близнецов, то в орнаментальном исполнении редко повторяют друг друга. Так же обстоит дело и с татуировками. Наличие знака татуировки на одной стороне лица (или на любой части тела) не провоцирует присутствие идентичного знака на другой стороне. Если на одной стороне части тела наколот какой-то знак, например, точка на лбу, то на противоположной стороне, как правило, мы видим совершенно другое изображение – прямую линию на переносице (Алибекова Халимат, 76 лет, и Хизриева Мунират, 1928 г.р.), точку на переносице (Гаджиева Фати, 72 года, с. Каякент Каякентского р-на), точку на подбородке (Варан Жувайрат, 85 лет, с. Цахур Рутульского р-на), точка на переносице (Залду Бата, 93 года – умерла; с. Гапшима Акушинского р-на). Таких примеров очень много. Из этого можно сделать вывод, что носительницы татуировок связывали асимметрию с идеей какого-либо (известного только им) порядка или беспорядка. По словам информантов-носительниц татуировок, больше всего следует опасаться именно "дурного" глаза, особенно зеленых или голубых глаз.

Такой цвет глаз в горской среде до недавних времен встречался не часто. Возникает вполне естественное желание как-то обезопасить себя от этих глаз. Результатом таких поисков, на наш взгляд, и являются асимметричные татуировки на лице. Цель такой асимметрии – привести "дурной" глаз в замешательство, т.е. лишить враждебные глаза возможности сконцентрировать взгляд на конкретном месте.

Отношение человека и к своим рукам тоже неоднозначное, скорее даже предвзятое. Если обратиться к бытовым ситуациям (прием пищи), функции рук строго разграничены: правая берет пищу, она же подносит ее ко рту; хлеб ломают правой, здороваются той же и т.д. Другими словами, правая и левая стороны чуть ли не противопоставлены: предпочтение отдается правой руке (правой стороне). Автору этих строк – левше – часто приходится сталкиваться с такой ситуацией, когда действия его левой руки не встречают одобрения в разных жизненных ситуациях. Интересными являются высказывания дагестанского ученого-этнографа С.А. Лугуева о взаимосвязях жизнедеятельности человека в окружающем пространстве: «На основе традиционных морально-этических норм этикетное поведение у народов Дагестана учитывало этическую целесообразность и закономерность взаимного расположения общающихся

лиц... в позициях "справа", "направо", "правый" считались наиболее почетными и "счастливыми" в горской среде по сравнению с позициями "слева", "налево", "левый". Передача предмета из рук в руки осуществлялась только правой рукой. Переступить порог дома, хлева, загона, мельницы, тем более мечети или молитвенного дома полагалось только с правой ноги. Невеста переступала порог будущего мужа тоже с правой ноги. По закону природы правая рука сильнее левой, у левшей – наоборот. Отсюда и известное разграничение их функций, а также противопоставление правой и левой сторон. Действия, совершаемые правой рукой, воспринимаются субъектом с большей эмоциональностью, они отличаются активностью, целенаправленностью, точностью. Так происходит игнорирование всего, что происходит на левом пространстве» (Дугуев 2001: 40, 42–43).

Такое отношение человека (общества) к правой или левой руке неожиданно находит отражение в его стремлении украшать себя. Наблюдения показывают, что лучшие женские украшения предназначены для правой руки (браслет, кольцо), а худшие – для левой. Такие же целенаправленные действия мы обнаруживаем в процессе нанесения татуировок на руки: пальцы правой руки, правая кисть, правое предплечье почти всегда имеют приоритет в таком "украшении". Самую важную "информацию", заключенную в татуировках, мы обнаруживаем именно на правой руке: три точки, что, по словам Гаджиевой Фати – 72 года (1935 г.р.), означает "я люблю тебя", а также графические знаки (Рагимова Гулисан, 82 года) из того же селения.левой же руке "достаются" менее информативные знаки-символы. Но нами замечена и другая устойчивая тенденция: левши-горянки, как правило, в "украшении" предпочитают отдавать левой руке.

Примечательны в этом плане татуировки жительницы с. Варсит (Кайтар) Закарьяевой Хатимы (1951 г.р.). На пальцах правой руки, начиная с указательного пальца, наколоты цифры 1, 2, 3, 4; на кисти изображение креста с полумесяцем, на предплечье ее инициалы, а левая кисть несет меньшую информацию: точки на фалангах пальцев; крест на кисти и дата ее рождения.

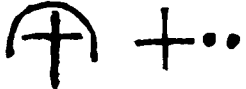

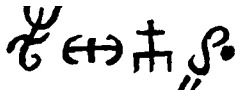

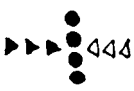

Сохранились в быту горцев и некоторые приметы, связанные с ногами. Родители стараются, чтобы их младенец свой первый шаг совершил с правой; считается недоброй приметой вставать с постели на левую ногу; при выходе из дома приоритет отдают правой ноге; в танце первый шаг следует делать правой. Не исключено, что наши далекие предки, собираясь на охоту, на войну, совершая ритуальный танец, тоже делали первый шаг правой ногой. Как видно, правая нога всегда впереди. Но, как ни странно, при фиксации татуировок на ногах мы не обнаружили картины того предвзятого отношения, как было с руками. Женщины почти всех районов, где мы фиксировали татуировки, в изобразительных мотивах не отдают предпочтения правой или левой ноге. Рассмотрим такие примеры: Хизриева Мунират (1928 г., с. Каякент Каякентского р-на) – на обеих ногах имеет знаки "птичья лапка"; Абдуллаева Халимай (72 года, то же селение) – на левой ноге (голене) "птичья лапка", на правой точка; Латипова Халимай (71 год, то же селение) – на обеих голених "птичья лапки"; Хабибулаева Патима (70 лет – на правой голени знаки – S, X и "плюс"; Сара (87 лет, с. Сумбатль Кулинского р-на) – на подъеме правой ноги некий сложный знак; Омарова Саида (1948 г.р.) – на правой голени знак свастики (семантику знака не может объяснить, образ для татуировки скопировала с камня в стене своего дома).

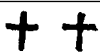

Может возникнуть вопрос: почему в Дагестане у женщин сохранилось так много татуировок? Видимо, ответ можно найти, изучая историю великолепного дагестанского орнамента, так как сложная система знаков орнамента, сопровождающая дагестанцев от колыбели до преклонных лет, всегда играла и играет ведущую роль не только в

Татуировки горянок Дагестана

№	Графические изображения	Место	Ф.И.О., г.р.	Село, район	Примечания
1		лоб		с. Вихли, Кулинский р-н	зарисовка А. Дирра
2		пред-плечье	Алиева Аминат 1924 г.	с. Гапшима, Акушинский р-н	зарис. автора (далее – все зарисовки автора)
3		разн. части тела	агулки, лачки от 30 до 90 лет	Агульский и Лакский районы	домашн. и дикие животные, пресмыкающиеся
4		пред-плечье	лачки разных возрастов	Кулинский р-н	образы птиц
5		кисти, груди	даргинки, лезгинки разных возрастов	с. Гапшима, Акушинский р-н, с. Зрых, Ахтынский р-н	фитоморфные образы
6		грудь	даргинки разных возрастов	с. Гапшима, Акушинский р-н	антропоморфные образы
7		разн. части тела	даргинки, рутулки разн. возрастов	с. Танты, Акушинский р-н, с. Микик, Рутульский р-н	“культ земледелия”, “оберегают пашню”
8		бедро, пред-плечье	даргинки и лачки разн. возрастов	с. Геба, Акушинский р-н, с. Цийша, Кулинский р-н	татуировки фаллического характера
9		грудь, пред-плечье	кумычки, лачки	с. Каякент, Каякентский р-н, с. Хосрех, Кулинский р-н	соляренные и астральные мотивы
10		пред-плечье, кисти	даргинки, лачки	с. Варсит, Кайтагский р-н, с. Кули, Кулинский р-н	христианск. зороастрийские мотивы
11		кисти	горянки старших возрастов	Все районы	исламские символы
12		кисти, пред-плечье	горянки старших возрастов	села Чираг и Рича, Агульский р-н	следы древних алфавитов
13		пальцы рук	Закарьяева Хватима 1951 г.р. даргинка	с. Варсит, Кайтагский р-н	“цифры оберегают пальцы”
14		кисть, лоб	Анша Бата 1923 г.р., Рабазанова Дирван 1935 г.р., даргинки	с. Гапшима, Акушинский р-н, с. Кунки Дахадаевский р-н	родовые знаки

Продолжение

№	Графические изображения	Место	Ф.И.О., г.р.	Село, район	Примечания
15		кисти	Муршидова Унайзат 1942 г.р., Кадирова Курсум 1930 г.р., аварки	с. Кутиша, Левшинский р-н	возрастания инициация, наколоты после свадьбы
16		грудь, предплечье	Алиева Лагу 1927 г.р., Магомедова Хайбат 1932 г.р.	села Кули и Хосрех, Кулинский р-н	символы советской идеологии
17		кисти, предплечье	Мамиева Хамис 1920 г.р., Шахбанова Селменаз 1935 г.р.	села Ицари и Кунки, Дахадаевский р-н	опознавательные знаки сельчан
18		пальцы рук	Алжанбекова Сапият 1965 г.р.	с. Санжи, Дахадаевский р-н	татуировки имущественного положения
19		разн. части тела	горянки старших возрастов	разные районы Дагестана	татуировки неопределенного статуса
20		кисть	Новрузова Хандза 1932 г.р.	с. Зрых, Ахтынский р-н	татуировка с любовной семантикой
21		предплечье	Османова Зазай 1926 г.р.	с. Гапшима, Акушинский р-н	“приглашение на танец”
22		кисть	Алиева Рисалат 1946 г.р.	с. Кутиша, Левшинский р-н	свадебная татуировка, скопированная с бабушкиной тату
23		предплечье	отказалась назвать своё имя, 25 лет	с. Гулатты, Дахадаевский р-н	татуировка охранного значения
24		кисть	Абдулгамидова Сакинат 1939 г.р.	с. Сухия, Кулинский р-н	родовой знак-оберег
25		предплечье	Ибрагимова Патма 1935 г.р.	с. Гулатты, Дахадаевский р-н	“12 детей всегда со мной”
26		кисти	Шевкетова Пери 1935 г.р., Муслимова Хани 1937 г.р.	с. Хиях, Рутульский р-н	татуировки, отражающие профессию мужей...
27		переносица	Ахмедова Марипат 1971 г.р.	с. Циша, Кайтагский р-н	татуировка, “вбирающая энергию из природы”

Окончание					
№	Графические изображения	Место	Ф.И.О., г.р.	Село, район	Примечания
28		грудь	Закарьяева Инара 1927 г.р.	с. Кули, Кулинский р-н	обереги для груди
29		грудь	Пасан Анца 1917 г.р.	с. Гапшима, Акушинский р-н	“чтобы не потерять молока”
30		лоб	Залду Бата 1914 г.р.	с. Мегва, Акушинский р-н	от сглаза: “против голубых глаз”
31		кисти обеих рук	Рагимова Гулисан 1925 г.р.	с. Цахур, Рутульский р-н	“зашифрованная информация” по словам информанта
32		голень	Латипова Халимай 1936 г.р.	с. Каякент, Каякентский р-н	“птичьи лапки”
33		подъем ноги	Алхасова Сара 1922 г.р.	с. Сумбатль, Кулинский р-н	семантика ей неизвестна
34		голень	Омарова Саида 1948 г.р.	с. Кули, Кулинский р-н	скопировала со старого петроглифа

нашем искусстве, но и в духовной жизни горцев. Они жили веками в устоявшейся среде своей древней культуры. Надо полагать, что многие графические образы татуировок возникли или сложились в среде раннеземледельческих культур. Культовая символика татуировок, почти позабытая на Кавказе, но оказавшаяся стойкой в Дагестане, является наследием того периода истории дагестанцев, когда они стали выражать свои мысли, свои ощущения посредством условных графем – татуировок. Поэтому изучение древней традиции символики татуировок затрагивает проблемы, выходящие за рамки задачи расшифровки непонятных знаков, и является попыткой реконструкции духовного мира горских женщин Дагестана. Смысловая нагрузка, заключенная в татуировках, безусловно, менялась в зависимости от идеологических представлений не только личности, но и всего общества. Например, языческие воззрения горянок Дагестана, как правило, находились под постоянным прессом зороастризма, иудаизма, христианства или ислама. Видимо, по этой причине обычай татуирования в разных районах Дагестана был распространен неравномерно и с разной интенсивностью. Он имеет в Дагестане глубокие корни и наглядно представляет тот феномен, который принято называть этнокультурной традицией и национальной особенностью горских народов.

Примечание

¹ Муллы Али Рамазан-оглы – переводчик А.И. Дирра – житель с. Микик Самурского округа (ныне Рутульский р-н).

Литература

- Адлер* 1923 – *Адлер Б.Ф.* От наготы до обильных одежд. Берлин, 1923.
- Анучин* 1876 – *Анучин Д.Н.* Как люди себя уродуют и украшают // *Природа. Популярный естественнонаучный сборник.* Кн. 3. М., 1876.
- Анучин* 1884 – *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Оттиск из ИРГО. Т. XX. Вып. X. 1884.
- Булатова* 1998 – *Булатова А.Г.* Женская татуировка в Горном Дагестане // *Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения.* СПб., 1998.
- Волкова* 1981 – *Волкова Н.Г.* Обычай татуировки и раскраски тела на Кавказе // *Сов. этнография.* 1981. № 5.
- Гамзатова* 2001 – *Гамзатова П.Р.* Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. М., 2001.
- Гаджиева* 1985 – *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985.

G.I. Ismailov. The Phenomenon of Women's Tattoo in Dagestan

The analysis in the article unfolds around the question why there still remain so many women's tattoos in the traditional culture of Dagestan. Venturing into the history of Dagestan culture, the author attempts to find an answer to this question by tracing various links between graphic arts and social beliefs and customs existing in the region.